

Ду Юньцзин остался глух к потрясению и презрению, что читались во взглядах окружающих. Он давно выстроил в голове собственный мир, где во всём был прав, а логика его была столь же непоколебима, сколь и нелепа. Такие люди бывают до крайности упрямы в своём безумии.

— Дайте-ка угадаю, — с безумной ухмылкой протянул он, окончательно сбросив маску добропорядочности. — Теперь вы решите отделить семью моего «дорогого» старшего брата? Наверняка вы всё это спланировали ещё до нашего возвращения. И то, что матушка вдруг решила пойти на поле портить посевы... Не вы ли тайно подтолкнули её к этому?

Ду Юньцзин ядовито насмеялся над Главой клана, перекадывая вину за собственные беды на плечи других.

Глава клана до боли сжал рукоять посоха. Он и представить не мог, что в этом человеке гниль пустила столь глубокие корни.

Баожэнь, принесший родовые книги, в ярости хотел было броситься на Ду Юньцзина с обвинениями, но Глава клана жестом остановил сына. Спорить с ученым, чье сердце очерствело, — дело неблагодарное. Но они были в деревне семьи Ду, и никакое красноречие не могло смыть позор с этой семьи.

Глава клана лишь горько усмехнулся:

— Говорят, малая милость рождает благодарность, а великая — лишь ненависть. Я прожил долгую жизнь, но на мгновение забыл эту простую истину. Ду Юньцзин, слушай меня: во всём, что касалось вашей семьи, я от начала и до конца был честен перед родом Ду и перед своей совестью.

— Раз уж ты винишь меня в корыстном умысле, что ж, не буду тебя разочаровывать. Вся деревня видела, как жилось семье твоего брата в твоём доме. Если я заставлю их делить с вами кару и изгоню из деревни, я буду самым несправедливым судьёй в подлунном мире.

— Чувства — это чувства, а долг — это долг. Даже между братьями счёта должны быть чистыми. Семья Юньху останется в деревне семьи Ду. А ты, госпожа Чжао, Фубао и ты, семья черной злобы... убирайтесь вон как можно скорее.

Глава клана велел Баожэню открыть свитки и повернулся к Ду Баоцюаню, который всё это время стоял в тени, не смея поднять глаз.

— Баоцюань, пришло время раздела имущества. Говори, как вы это сделаете? — Глава клана произнес это так, будто вопрос был уже решен.

Ду Баоцюань задрожал всем телом:

— Глава клана, глава клана... Неужели вы и впрямь гоните нас? Госпожа Чжао оступилась, но это лишь минутная слабость. А Фубао — он ведь совсем ребенок...

— В нашей деревне даже младенец, едва встав на ноги, знает цену хлебу, — оборвал его Глава клана. — Ребенок? Ему десять лет, это не тот возраст, когда не ведают, что творят. Есть ли в деревне еще хоть один такой «ребенок», которого избаловали до того, что он стал сущим дьяволом?

— Что до твоей жены, я давал ей слишком много шансов. Минутных слабостей у неё набралось на целую жизнь. С какой стати деревня должна брать на себя вечный риск и терпеть убытки из-за её «глупости»?

Глава клана смотрел на Ду Баоцюаня с глубоким разочарованием. Тот даже сейчас не видел корня проблемы, а лишь молил о пощаде.

— Баоцюань, неужто ты и вправду веришь, что во всём этом нет твоей вины?

Тот замер. Он ведь ничего не делал — как он мог быть виноват?

Глава клана возвысил голос, обращаясь и к нему, и ко всем присутствующим:

— Ты — глава дома, муж этой женщины и отец своих сыновей. Твой долг был — наставлять их и сдерживать. Но ты лишь потакал им, молчаливо пользуясь плодами их гнусных дел. А теперь, когда пришла беда, ты строишь из себя невинную овечку и просишь за них?

— Годами в твоём доме старшие не знали почета, а младшие — заботы. Мачеха была жестока, семья старшего сына терпела унижения, а второй и третий сыновья выросли завистливыми и презирающими закон. И ты хочешь сказать, что ты здесь ни при чем?

Ду Баоцюаню нечего было ответить. Слова главы клана камнем придавили его к земле, лишив права на оправдание. Глядя на него, притихли и другие односельчане, в чьих домах зрели похожие семена раздора.

— Раз тебе нечего сказать, я сам решу, как разделить имущество, — произнес Глава клана, не дожидаясь согласия.

— В вашем владении восемь му заливных земель и десять му богарных. Все эти годы Юньху с женой работали на них, не покладая рук. Как старший сын, он заслужил большую часть. Семья Юньху заберет пять му заливных и пять му сухих полей. Остальное разделят Ду Юньцзин и Фубао.

— Поскольку вы больше не принадлежите к нашему роду, дом в деревне останется Юньху. Как первенец, он наследует родовое гнездо, и это справедливо.

Но старейшина еще не закончил.

— Все эти годы Юньцзин учился в городе. На его прихоти уходили огромные деньги, которые он сам не заработал — это были сбережения Юньху и его жены. Теперь, когда младший брат вычеркнут из родовых книг за свои преступления, он больше не брат Юньху. Долг за ученье должен быть возвращен.

— Денег у него сейчас нет, — холодно продолжил глава клана. — Поэтому я постановляю: земля, причитающаяся Юньцзину, переходит к Юньху в счет долга. Так вы расквитаетесь окончательно, и впредь у вас не будет ничего общего.

Глава клана не оставил места для возражений:

— Несите стол, кисти и тушь. Я сам напишу документ о разделе.

Собравшиеся во дворе крестьяне изумленно переглядывались. Глава клана фактически оставил Ду Юньцзина ни с чем.

Так вышло, что семья Юньху получила шесть с половиной му заливных земель и семь с половиной му богарных, а также унаследовала отчий дом. Фубао досталось полтора му заливных и два с половиной му богарных земель, в то время как Юньцзину не досталось ровным счетом ничего.

Лишенные крова и защиты рода, они не могли остаться в Деревне семьи Ду. Даже если они продадут остатки земли, вырученных денег едва хватит на несколько месяцев скудной жизни в чужих краях. А ведь их была целая орава: Ду Баоцюань, госпожа Чжао, Юньцзин, Ли Гуэр и Фубао.

Наверняка Глава клана не планировал быть столь суровым. Но ночная выходка с хлопком переполнила чашу его терпения, а наглость Ду Юньцзина лишила последних остатков милосердия. Глава клана решил вымести этот сор из избы раз и навсегда.

Отделенный от семьи Юньху смотрел на происходящее, точно в дурном сне. Всё казалось нереальным. С одной стороны, он радовался долгожданной свободе, с другой — сердце ныло за отца. Годы вбитой в кровь сыновней почтительности не стираются в один миг.

Юньху долго колебался, собираясь попросить старейшину оставить отцу хоть что-то, но Вэй Люхуа больно ущипнула его за бок. Он обернулся и встретил её взгляд — гневный, решительный и в то же время полный горьких слез. Мужчина промолчал. Он лишь стоял, сгорая от стыда, под ненавидящими взглядами отца и братьев.

Будь это любая другая беда, он бы вступился. Но покуситься на посевы — на святой урожай... У него, крестьянина до мозга костей, просто не повернулся язык просить о милости за такое.

Когда документы были готовы, Ду Баоцюаня, Юньцзина и Фубао заставили поставить отпечатки пальцев.

Юньцзин дернулся, намереваясь впасть в неистовство, но в этот миг метко пущенный камень угодил ему прямо в коленную чашечку. Он рухнул на колени. Его холеную руку, никогда не знавшую плуга, грубо схватили, макнули в красную тушь и с силой прижали к бумаге.

Глава клана взял кисть и одну за другой вычеркнул их имена из свитков. Отныне Ду Баоцюань и его младшие сыновья стали чужаками для деревни семьи Ду.

Когда формальности были закончены, Глава клана устало вздохнул и взмахнул посохом:

— Госпожу Чжао и Фубао запереть в сарае. Утром отвезем их в управу. Ду Юньцзин и Баоцюань, идите в дом, собирайте вещи. Завтра вы все покинете деревню.

— Землю Фубао пока оставим. Позже продадим её, вычтем ущерб за хлопок в поле братца Хуа, а остаток передадим им.

На этом ночной кошмар закончился.

Перед тем как уйти, Цю Хуанянь бросил последний взгляд на госпожу Чжао и Фубао, что жались друг к другу, содрогаясь от страха. Оказавшись за порогом деревни без гроша в кармане, они лишь начнут познавать истинное горе. Смерть прежнего владельца этого тела наконец была отомщена.

Дома Хуанянь хотел расспросить Шилиу о том, как всё прошло, но тот, заметив его сонный взгляд, лишь покачал головой:

— Спать. Завтра поговорим.

Бросив эту короткую фразу, Шилиу скрылся в задних постройках. Усталость навалилась на Хуаняня тяжелым грузом; от пережитого волнения голова шла кругом. Под заботливым присмотром Ду Юньсэ он вскоре провалился в глубокий сон.

На следующее утро Хуанянь проснулся поздно — солнце уже стояло высоко. Юньсэ не ушел по делам, а всё время сидел рядом, в главной комнате. Заметив, что супруг открыл глаза, он коснулся его лба:

— Хуанянь, на рассвете у тебя был сильный жар. Я обтирал тебя, побоялся будить. Слава богу, сейчас температура спала.

В горле у Хуаняня пересохло. Юньсэ подал ему чашку теплой воды и помог напиться.

— Моё тело теперь совсем не терпит волнений, — слабо улыбнулся Хуанянь. — Стоило немного пошуметь ночью, и вот — извольте.

Юньсэ нежно поправил его волосы:

— Баожэнь с людьми еще на рассвете увезли Чжао и Фубао. Теперь в деревне не осталось тех, кто желал бы нам зла. Можешь поправляться спокойно.

Хуанянь лениво зевнул и, точно котенок, потерся лицом о плечо Юньсэ:

— Кто бы мог подумать, что всё закончится именно так... Но результат того стоил.

Он-то полагал, что Глава клана будет медленно затягивать петлю, но госпожа Чжао сама выбрала кратчайший путь к гибели. Вспоминая погубленный хлопок, Хуанянь всё еще чувствовал укол боли, но утешал себя тем, что ущерб невелик.

После такого сурового наказания никто в Деревне семьи Ду больше не посмеет и косо взглянуть на чужое поле. Для человека того времени быть изгнанным из родной деревни и вычеркнутым из родовых книг было страшнее смерти.

Разве что они уедут далеко за пределы уезда Чжан, иначе позор будет преследовать их по пятам. Но на какие шиши им бежать? Найти место, где можно было бы просто выжить, и то будет нелегко.

— Утром заходила Вэй Люхуа, — добавил Юньсэ. — Я сказал, что ты спишь, и она ушла. Обещала заглянуть позже, когда тебе станет лучше.

Хуанянь кивнул:

— Для их семьи настали светлые времена. Теперь Цзюцзю сможет открыто учиться вышивке у Люхуа.

Люхуа была добра к девочке, да и с Хуанянем у неё за эти месяцы завязалась крепкая дружба.

— Я думал, Юньху начнет просить за отца и братьев, — признался Хуанянь. — Удивлен, что он сдержался.

— Он сын, но он также отец и муж, — негромко отозвался Ду Юньсэ. — Если отец не проявляет милосердия, трудно требовать от сына вечной преданности.

Хуанянь промолчал, думая о том, как запутана и противоречива человеческая природа. В ком-то слабость уживается с внезапной твердостью, в ком-то злоба соседствует с крупницей добра. Нельзя судить о человеке по одному лишь поступку.

Услышав тихие голоса, в комнату вошли Цзюцзю и Чуньшэн. Дети принесли теплую кашу. Цзюцзю ловко расставила всё на невысоком столике:

— Братец Хуа, я сама варила эту кашу утром. Добавила сушеного мяса и яйцо — специально для тебя. Поешь скорее, а потом нужно выпить лекарство.

Чуньшэн больше не капризничал. Он тихо сидел на краю кана, глядя на Хуаняня припухшими глазами — видать, успел поплакать.

Хуанянь вопросительно взглянул на Юньсэ, и тот едва заметно кивнул. Видимо, разговор с братом уже состоялся. Чуньшэн смотрел на Хуаняня так бережно, словно тот был сделан из тончайшего фарфора и мог разбиться в любую секунду.

Каша была отменной: аромат сушеного мяса придавал ей крепости, а белок яйца был нежным, точно облако. Хуанянь съел несколько ложек, заставляя себя подкрепиться ради здоровья.

— Съешь еще немного, — мягко попросил Юньсэ.

Хуанянь покачал головой:

— Нет аппетита. Если буду только лежать и есть, станет только хуже.

Он отправил детей в кабинет заниматься, а Юньсэ пошел на кухню готовить отвар. Вскоре в комнате бесшумно появился Шилиу.

— Завтра я уезжаю.

— Так скоро? — Хуанянь не сразу нашелся с ответом.

— У меня приказ, я и так задержался сверх меры. — Шилиу подошел к кану. Он хотел было коснуться руки Хуаняня, но вовремя одернул себя. — Впредь старайся меньше тревожиться. С таким здоровьем долго не протянешь.

— ...

Хуанянь не знал, смеяться ему или обижаться. Он понимал, что Шилиу так проявляет заботу, но форма была, мягко говоря, своеобразной. Впрочем, вряд ли кто-то решился бы поучать Шилиу вежливости.

— Расскажи, как ты узнал о поле? Как понял, что Чжао задумала недоброе? — Хуанянь решил воспользоваться моментом. За эти дни лед между ними подтаял, и он чувствовал себя свободнее.

Баожэнь говорил, что Шилиу накрыл их еще во время сговора. Но госпожа Чжао была у себя дома — с чего бы Шилиу туда заглядывать?

— Вчера на поле я почувствовал на себе чей-то взгляд, — бесстрастно начал Шилиу. — В нем была явная злоба. На всякий случай я решил проследить.

Злоба? Направленная на Шилиу? Но госпожа Чжао даже не знала его, с чего бы ей его ненавидеть?

Шилиу продолжал:

— Когда я пришел к их дому, младшего сына уже отправили на дело. Но порча хлопка была лишь мелкой пакостью для отвода глаз. У неё был план посерьезнее.

— И что же она хотела сделать?

— Распустить слухи о моей порочной связи с Ду Юньсэ в столице. Она хотела очернить его имя и досадить тебе. Пока вы бы разбирались с грязными сплетнями и вырванным хлопком, у вас не осталось бы сил искать виноватых.

Хуанянь застыл, пораженный то ли низостью госпожи Чжао, то ли её безрассудством. Клеветать на Шилиу? Да она буквально заигрывала со смертью. Даже они с Юньсэ дышали рядом с ним через раз, а эта женщина решила вплести его в свои интриги. Воистину, безумие не знает границ.

Шилиу говорил так, будто речь шла о погоде:

— Такие слухи, будь они хоть трижды ложью, не пошли бы вам на пользу. Поэтому я лишил госпожу Чжао языка. Она больше не проронит ни слова.

— ...? — Хуанянь не сразу осознал смысл этих слов.

Лишил языка? Это метафора или...

— В буквальном смысле. У тайных стражей есть свои способы сделать так, чтобы человек лишился половины языка, но остался жив.

Хуанянь лишился дара речи. Он-то думал, что кляп во рту Чжао был для тишины, а оказалось — чтобы скрыть кровь и увечье. Вот почему она так отчаянно извивалась на земле от боли.

Шилиу стоял в лучах утреннего солнца, но лицо его оставалось в глубокой тени, точно вечный, нетающий морок.

— Можешь бояться меня, но таков мой путь, — ровным голосом произнес он. — Тебе не нужно ни привыкать, ни принимать это. Пути наши расходятся, и, скорее всего, мы больше никогда не увидимся.

— ...

Хуанянь не знал, что сказать. Как человек из мирного будущего, он содрогнулся от такой жестокости. Но он понимал: перед ним воин, воспитанный в тени дворцовых интриг и крови. Госпожа Чжао сама наткнулась на этот клинок, и винить ей было некого.

Видя, что Хуанянь не отвернулся в ужасе, Шилиу продолжил:

— В их доме я нашел еще кое-что. Решай сам, говорить об этом остальным или нет.

Он достал из-за пазухи несколько свертков в промасленной бумаге.

— Что это? — Хуанянь потянулся было рукой, но Шилиу остановил его.

— Одурманивающие зелья и приворотные снадобья. Будь осторожен, не трогай их голыми руками.

Такие вещи в доме госпожи Чжао? Хуанянь сначала удивился, но потом всё встало на свои места. Странное поведение Юньцзина и Ли Гуэр во время испытаний... Всё дело было в этих порошках. Скорее всего, они принадлежали Ли Гуэр. Хуанянь вспомнил, как дважды встречал её у леса с какими-то свертками. Вот, значит, что она прятала.

Шилиу, небрежно вертя в руках опасную находку, добавил:

— Я проверил. Снадобья грубые, чтобы они подействовали, их нужно давать долго и понемногу. Они страшно подтачивают здоровье. Если они тебе не нужны, я уничтожу их.

— Будьте добры, господин Шилиу. У меня нет охоты держать в доме такую гадость.

— Как пожелаешь. — Шилиу спрятал свертки и, помолчав, добавил: — Вещи эти непростые, в деревне им взяться неоткуда. Хоть ту семью и выгнали, но раз у них был канал связи, значит, где-то поблизости есть торговец. Будь начеку.

Хуанянь поблагодарил его. Шилиу попросил копию наставления по выращиванию хлопка с чертежами. Хуанянь пообещал подготовить всё к вечеру вместе с Юньсэ.

К закату вернулся Баожэнь с остальными. Не успел Хуанянь послать за вестями, как к ним пришла Мэн Фуюэ.

— Судья Ван сказал, что за все пятнадцать лет службы не видел дела о намеренной порче посевов. Сказал, что миром это не решить. Чжао и Фубао бросили в темницу.

— Старшая дочь Чжао, Цяосин, живет в городе. Баоцюань с Юньцзином пошли к ней. Наши довели их до дверей и оставили. Говорят, зять был чернее тучи, да и сама Цяосин, когда узнала, что натворили родные, едва не сгорела от стыда. Не будь у Юньцзина звания сюэя, их бы и на порог не пустили.

Хуанянь, помня о находке Шилиу, спросил:

— А что Ли Гуэр?

— Пока с Юньцзином, но это ненадолго, — усмехнулась Фуюэ. — Девчонка эта падка на богатство. Она вцепилась в него, когда он был завидным женихом с блестящим будущим. А теперь у него ни гроша, ни чести, да и нрав — копия мамы. Долго она не выдержит.

— Думаю, через пару месяцев у них начнется веселая жизнь. Ли Гуэр рассорилась со своими в пух и прах, назад ей дороги нет, а работать она не привыкла. Так что бросить Юньцзина ей будет непросто.

Мэн Фуюэ накрыла руку Хуаняня своей:

— Хуанянь, свекор мой — человек старой закалки, ему неловко говорить самому. Он просил передать: то, что он тогда пожалел госпожу Чжао, было величайшей ошибкой в его жизни. Ему очень жаль.

Хуанянь мягко улыбнулся:

— Всё это в прошлом. Семья Чжао получила по заслугам, а я смог достойно почтить память матери. Пусть обиды уйдут вместе с ними.

Фуюэ облегченно вздохнула:

— У тебя золотое сердце, не то что у того выродка Юньцзина.

Покончив с серьезными делами, она сменила тему:

— Кстати, Хуанянь, а Ду Юньсэ поедет учиться в уездную школу?

Юньсэ теперь сюцай, и в казенной школе его учили бы бесплатно, а за успехи еще и рис давали бы.

— Мы думали об этом, — покачал головой Хуанянь. — Но мне сейчас нездоровится, да и за землей нужен глаз да глаз. Юньсэ решил, что сможет учиться и дома.

По правде говоря, уровень тамошних учителей уже мало что мог дать Ду Юньсэ. Но сдавать ежемесячные экзамены он всё же будет — для практики и чтобы получать положенное довольствие линьшэна.

— Жаль, — вздохнула Фуюэ. — Я-то надеялась, что они с моим Юньчэном будут приглядывать друг за другом.

Она видела, как далеко ушел Юньсэ, и хотела, чтобы сын тянулся за ним.

— Юньчэн — мальчик умный и рассудительный, — подбодрил её Хуанянь. — Он и сам прекрасно справится. Не тревожьтесь.

Только Фуюэ собралась ответить, как в комнату влетел Чуньшэн:

— Братец Хуа! Из городка Таохуа, от цзюйжэня Суна, опять прислали людей!

<http://bllate.org/book/15363/1416881>